

Г.В. Плеханов

**К вопросу о развитии
монистического взгляда на
историю**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г11

Г11 **Г.В. Плеханов**
К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / Г.В. Плеханов –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 336 с.

ISBN 978-5-458-54701-7

ISBN 978-5-458-54701-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

смогли бы сделать. Задача революционеров заключалась в том, чтобы опереться на ту мощную революционную силу, которая порождается развитием капитализма, — на рабочий класс, развивать его классовое сознание, организовывать его, помочь ему создать свою рабочую партию.

Плеханов разбил и второй основной ошибочный взгляд народников — отрицание ими передовой роли пролетариата в революционной борьбе. Народники рассматривали появление пролетариата в России как своего рода «историческое несчастье», писали о «язве пролетариатства». Плеханов, защищая учение марксизма и его полную применимость к России, доказывал, что, несмотря на количественное преобладание крестьянства и сравнительную малочисленность пролетариата, — именно на пролетариат, на его рост должны революционеры возложить свои главные надежды.

...Плеханов разбил также третий основной ошибочный взгляд народников насчет первостепенной роли в общественном развитии «героев», выдающихся личностей, их идей, и насчет ничтожной роли массы, «толпы», народа, классов. Плеханов обвинял народников в *идеализме*, доказывая, что правда не на стороне идеализма, а на стороне *материализма* Маркса — Энгельса» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 14—15).

Но и после работ Плеханова борьба с народничеством далеко ещё не была окончена — необходимо было завершить идейный разгром народничества. Эта задача окончательного идейного разгрома народничества, как злейшего врага марксизма, была блестяще решена Лениным. Довести до конца разгром народничества Плеханов не смог. Уже тогда, в 80 и 90-х годах, в воззрениях Плеханова имел место ряд ошибочных моментов, содержащих зачатки его будущего меньшевизма. Так, уже тогда Плеханов не видел революционной роли крестьянства как союзника пролетариата в революции; уже тогда он неправильно оценивал русскую буржуазию как силу, которая может оказать поддержку революции, хотя бы и непрочную. Плеханов и его группа не разрешили задачу соединения в России марксизма с рабочим движением. Задачу соединения марксизма с рабочим движением

в России решил Ленин. Только Ленину и великому продолжателю дела Ленина — товарищу Сталину оказались по плечу те великие задачи развития революционной теории и руководства революционным движением, которые были выдвинуты эпохой империализма и пролетарских революций.

Однако ошибки Плеханова и его дальнейшая политическая эволюция не дают основания забывать о ценнейших работах Плеханова, написанных им в тот период, когда он был ещё последовательным марксистом.

Ленин писал в 1921 г.: «...уместным мне кажется заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» (*Ленин*, т. XXVI, изд. 3, стр. 135).

А в ряду философских работ Плеханова его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» является лучшим произведением, образцом боевого революционного выступления против идеалистической философии.

В качестве приложений к книге Плеханова даются его две статьи, в которых затрагиваются вопросы, поднятые в самой книге: «Ещё раз г. Михайловский, ещё раз «триада» и «Несколько слов нашим противникам».

В настоящем издании иностранный текст переведён на русский язык; перевод дан в скобках за подписью: *Ред.* Примечания от редакции, в отличие от примечаний автора, помечены звёздочкой.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Мною исправлены здесь только *описки и опечатки*, закравшиеся в первое издание. Я не счёл себя в праве изменять что-нибудь в моих *доводах* по той простой причине, что эта моя книга — *полемическое* произведение. Изменить что-нибудь в содержании полемического произведения значит выступить против своего противника с новым оружием, заставляя его бороться с помощью старого. Это приём непозволительный вообще, а в данном случае ещё менее позволительный потому, что моего главного противника, Н. К. Михайловского, уже нет в живых.

Критики наших взглядов утверждали, что эти взгляды, во-первых, неверны сами по себе; во-вторых, особенно ошибочны в применении к России, которой суждено будто бы пойти в экономической области своим самобытным путём; в-третьих, плохи тем, что предрасполагают своих сторонников к бездеятельности, «квиетизму». Этот последний упрёк вряд ли решится кто-нибудь повторить в настоящее время. Второй упрёк также на виду у всех опровергнут всем ходом развития русской экономической жизни за последнее десятилетие. А что касается первого упрёка, то достаточно ознакомиться хотя бы только с *этнологической* литературой последнего времени, чтобы убедиться в справедливости *нашего объяснения истории*. Всякое серьёзное сочинение по «первобытной культуре» непременно должно прибегать к нему всякий раз, когда заходит речь о причинной связи явлений общественной и духовной жизни «диких» народов. Для примера укажу на классическое сочинение фон-ден Штейна «*Unter der Naturvölkern Zentral-Brasiliens*» («Среди первобытных народов центральной Бразилии». — *Ред.*). Но само собой разумеется, что здесь я не могу распространяться об этом предмете.

Некоторым из моих критиков я отвечаю в прилагаемой статье «Несколько слов нашим противникам», которую я опубликовал под псевдонимом и потому говорю в ней о своей книге как о сочинении другого лица, воззрения которого являются также и моими. Но эта статья ничего не возражает г. Кудрину, который выступил против меня в «Русском Богатстве» уже после её появления. По поводу г. Кудрина я скажу здесь два слова.

Самым серьёзным из его направленных против исторического материализма доводов может показаться тот отмечаемый им факт, что одна и та же религия, например буддизм, исповедуется иногда народами, стоящими на весьма различных ступенях экономического развития. Но этот довод кажется основательным только на первый взгляд. Наблюдение показало, что в таких случаях «одна и та же» религия *существенно изменяет своё содержание* соответственно степени экономического развития исповедующих её народов.

Хочется мне ответить г. Кудрину ещё и вот на что. Он нашёл у меня ошибку в переводе греческого текста Плутарха (см. примеч., стр. 142) и делает несколько весьма язвительных замечаний по её поводу. Но на самом деле я в этой ошибке «не причинен». Находясь в путешествии во время издания моей книги, я послал в Петербург рукопись, в которой цитата из Плутарха не была сделана, а только отмечены были те *параграфы*, которые следовало процитировать. Одно из лиц, имевшее отношение к изданию — и окончившее едва ли не ту же классическую гимназию, в которой учился учёный г. Кудрин, — перевело указанные мною параграфы и... сделало указанную г. Кудриным ошибку. Это, конечно, жаль. Но надо и то сказать, эта ошибка была единственным промахом, в котором могли уличить нас наши противники. Нужно же было и им получить какое-нибудь нравственное удовлетворение. Так что, по «человечеству», я даже радуюсь этому промаху.

Н. Бельтов.

Н. Бельтовъ.

КЪ ВОПРОСУ

О РАЗВИТІИ

МОНИСТИЧЕСКАГО ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ

Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣву и комп.

Audiat et altera pars.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 13),
1895.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФРАНЦУЗСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

XVIII ВЕКА

«Если вы ныне, — говорит г. Михайловский, — встретите молодого человека... который даже с несколько излишней торопливостью заявит вам, что он «материалист», то это не значит, чтобы он был материалистом в обще-философском смысле, в каком у нас в старину были поклонники Бюхнера и Молешотта. Очень часто ваш собеседник ни малейше не интересуется ни метафизическою, ни научною стороною материализма и даже весьма смутное понятие о них имеет. Он хочет сказать, что он последователь теории экономического материализма, да и то в особенном, условном смысле...»¹

Мы не знаем, с какого рода молодыми людьми встречался г. Михайловский. Но его слова могут дать повод думать, что учение представителей «экономического материализма» лишено всякой связи с материализмом «в обще-философском смысле». Верно ли это? В самом ли деле «экономический материализм» так узок и беден по содержанию, как это кажется г. Михайловскому?

Ответом послужит краткий очерк истории этого учения.

Что такое «материализм в обще-философском смысле»?

Материализм есть прямая противоположность *идеализма*. Идеализм стремится объяснить все явления природы, все свойства материи теми или иными свойствами духа. Материализм поступает как раз наоборот. Он старается объяснить психические явления теми или другими свойствами *материи*, той или другой организацией человеческого или вообще животного тела. Все те философы, в глазах которых первичным фактором является *материя*, принадлежат к лагерю *материалистов*; все же те, которые считают таким фактором дух, — *идеалисты*.

¹ «Русское Богатство», январь 1894, отд. II, стр. 98.

Вот всё, что можно сказать о материализме вообще, о «материализме в обще-философском смысле», так как время возводило на его основном положении самые разнообразные надстройки, которые придавали материализму одной эпохи совершенно иной вид сравнительно с материализмом другой.

Материализм и идеализм исчерпывают важнейшие направления философской мысли. Правда, рядом с ними почти всегда существовали те или другие *дуалистические* системы, признававшие *дух* и *материю* за отдельные, самостоятельные *субстанции*. *Дуализм* никогда не мог ответить удовлетворительно на неизбежный вопрос о том, каким образом эти две отдельные субстанции, не имеющие между собою ничего общего, могут влиять одна на другую. Поэтому наиболее последовательные и наиболее глубокие мыслители всегда склонялись к *монизму*, т. е. к объяснению явлений с помощью *какого-нибудь одного основного принципа* (топос по-гречески значит единый). Всякий последовательный *идеалист* есть монист в такой же степени, как и всякий последовательный *материалист*. В этом отношении нет никакой разницы, например, между Берклеем и Гольбахом. Один был последовательным *идеалистом*, другой не менее последовательным *материалистом*, но и тот и другой одинаково были *монистами*; и тот и другой одинаково хорошо понимали несостоятельность *дуалистического*, до сих пор едва ли не наиболее распространённого, *миросозерцания*.

В первой половине нашего столетия в философии господствовал *идеалистический* монизм; во второй половине его в *науке*, — с которой тем временем совершенно слыхалась *философия*, — восторжествовал *материалистический* монизм, далеко, впрочем, не всегда последовательный и откровенный.

Нам нет надобности излагать здесь всю историю материализма. Для нашей цели достаточно будет рассмотреть его развитие, начиная со второй половины прошлого века. Да и здесь нам важно будет иметь в виду преимущественно одно, — правда, самое главное, — его направление, т. е. материализм Гольбаха, Гельвеция и их единомышленников.

Материалисты этого направления вели горячую полемику с официальными мыслителями того времени, которые, ссылаясь на едва ли хорошо понятого ими Декарта, утверждали, что у человека существуют известные *прирождённые*, т. е. являющиеся независимо от опыта, *идеи*. Оспаривая этот взгляд, французские материалисты, собственно говоря, только излагали учение Локка, который уже в конце XVII века доказывал, что *врождённых идей не существует* (по innate principles). Но, излагая его учение, французские материалисты придали ему более последовательный вид, ставя точки над такими *и*, которых Локк не хотел касаться в качестве благовоспитанного английского либерала. Французские материалисты были бесстрашными, последовательными до конца *сенсуалистами*, т. е. они рассматривали все психические функции человека как *видоизменения ощущений*. Бесплезно проверять здесь, насколько в том или другом случае доводы их удовлетворительны с точки зрения нынешней науки. Само собою понятно, что французские материалисты не знали многого из того, что известно теперь каждому школьнику: достаточно напомнить химические и физические взгляды Гольбаха, который был, однако, хорошо знаком с естествознанием *своего* времени. Но у французских материалистов была та неоспоримая и незаменимая заслуга, что они мыслили последовательно с точки зрения *современной им науки*, а это всё, чего можно и должно требовать от мыслителей. Неудивительно то, что наука нашего времени ушла дальше французских материалистов прошлого века; но важно то, что *противники этих философов были отсталыми людьми уже по отношению к тогдашней науке*. Правда, историки философии обыкновенно противопоставляют взглядам французских материалистов взгляд Канта, которого, разумеется, странно было бы упрекать в недостатке знаний. Но это противопоставление совсем неосновательно, и не трудно было бы показать, что и Кант и французские материалисты стояли, в сущности, на одной точке зрения *, но пользовались ею различно и

* *Примечание от редакции.* Указание Плеханова о том, что «и Кант и французские материалисты стояли, в сущности, на одной

потому приходили к различным выводам сообразно с различиями в свойствах тех общественных отношений, под влиянием которых они жили и мыслили. Мы знаем, что это мнение найдут парадоксальным люди, привыкшие верить на слово историкам философии. Мы не имеем возможности подтверждать его здесь обстоятельными доводами, но не отказываемся сделать это, если этого захотят наши противники.

Как бы то ни было, но всем известно, что французские материалисты рассматривали всю психическую деятельность человека как видоизменение *ощущений* (*sensations transformées*). Рассматривать психическую деятельность с этой точки зрения значит считать все представление, все понятия и чувства человека результатом *воздействия на него окружающей среды*. Французские материалисты так и смотрели на этот вопрос. Они беспрестанно, очень горячо и совершенно категорически заявляли, что человек, со всеми своими взглядами и чувствами, есть то, что делает из него окружающая его среда, т. е., во-первых, — *природа*, а во-вторых, — *общество*. «*L'homme est tout éducation*» (человек целиком зависит от воспитания), — твердит Гельвеций, понимая под словом воспитание всю совокупность общественного влияния. Этот взгляд на человека, как на плод окружающей среды, был главной теоретической основой *новаторских требований* французских материалистов. В самом деле, если человек зависит от окружающей его среды, если он обязан ей всеми свойствами своего характера, то он обязан ей, между прочим, и своими недостатками, следовательно, если вы хотите бороться с его недостатками, то вы должны надлежащим образом видоизменить окружающую его среду, и притом именно *общественную* среду, потому что природа не делает человека ни злым, ни добрым. Поставьте людей в разумные общественные отношения, т. е. в такие условия, при которых инстинкт самосохранения каждого из них перестанет толкать его на

точке зрения», является ошибочным. В противоположность агностицизму — непоследовательному субъективному идеализму Канта — французские материалисты XVIII века стояли на точке зрения познаваемости внешнего мира.